

Научная статья

УДК: 32.001(470+571) 66.1(2)

doi: 10.17223/1998863X/67/16

РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» И ФОРМИРОВАНИЕ РАЗНОЧИННОГО СОСЛОВНОГО СОЗНАНИЯ

Борис Александрович Прокудин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
probor@bk.ru*

Аннотация. «Отцы и дети» – политический роман, который произвел колоссальное воздействие на русское общество 1860-х гг. Он стал не только символом конфликта отцов и детей, либералов и радикалов, он послужил литературной основой, на которой начался «раскол в нигилистах», имевший серьезные последствия для развития социально-политической мысли русской радикальной интеллигенции и формирования разнотинного сословного сознания.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Отцы и дети», нигилизм, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Антонович, «Современник», разнотинцы

Для цитирования: Прокудин Б.А. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и формирование разнотинного сословного сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 173–189. doi: 10.17223/1998863X/67/16

Original article

IVAN TURGENEV'S NOVEL *FATHERS AND SONS* AND THE FORMATION OF THE RAZNOCHINTSY'S CLASS CONSCIOUSNESS

Boris A. Prokudin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, probor@bk.ru

Abstract. Ivan Turgenev's novel *Fathers and Sons* made a strong impact on Russian society in the 1860s. Everybody argued about Bazarov and nihilism in Russia. Bazarov became a symbol of the conflict between fathers and children, liberals and radicals. But, besides this, the novel led to a split of Russian radicals into two groups. The first group of radicals recognized Bazarov as a "symbol" of the younger generation. This group was headed by Dmitry Pisarev. The second group recognized Bazarov as a "caricature" of the younger generation. This group was headed by Maxim Antonovich. This article is an attempt to answer the question of why this happened. The article hypothesizes that the conflict between the radicals was caused by the class issue. Dmitry Pisarev and Maxim Antonovich had similar convictions, but had different class interests. Antonovich was the son of a priest, he felt insecure in society. Therefore, he recognized Turgenev's controversial novel as dangerous for the raznochintsy (lit. people of various ranks) class. Pisarev was a nobleman and felt confident in society. Therefore, he saw no threat in Turgenev's novel. After the publication of *Fathers and Sons*, Antonovich's fears were confirmed. Many contemporaries began to perceive nihilists as people capable of violence and destruction. When fires broke out in St. Petersburg in 1862, newspapers began to write that nihilists were to blame for the arson. But some time passed, and the attitude of many young people towards Bazarov began to change. New readers of *Fathers and Sons* discovered many positive traits in Bazarov that they wanted to imitate. They noticed his absolute sincerity, his faith in science. The

raznochintsy existed in Russia since the time of Peter I. But earlier the raznochintsy wanted to get an education in order to become nobles. In the middle of the 19th century there appeared such commoners who wanted to be on their own. Turgenev in his novel gave them a visible image of how one can look and behave. And Dmitry Pisarev gave them ideology. He told how one can live and think. And since that time the word “raznochintsy” has disappeared from use. The raznochintsy with ideology began to be called the “intelligentsia”.

Keywords: Ivan Turgenev, *Fathers and Sons*, nihilism, Nikolai Chernyshevsky, Nikolai Dobrolyubov, Dmitry Pisarev, Maxim Antonovich, *Sovremennik*, raznochintsy

For citation: Prokudin, B.A. (2022) Ivan Turgenev's novel *Fathers and sons* and the formation of the raznochintsy's class consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 173–189. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/16

Обсуждение социально-политических идей романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» началось еще до его опубликования. К концу 1850-х гг. у Тургенева сложилась репутация художника, особенно внимательно относящегося к важнейшим общественным вопросам современности. Н.А. Добролюбов писал об этой его особенности: «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество» [1. С. 99]. Поэтому разговоры о готовящемся романе, который будет иметь повышенную социальную значимость, звучали еще за полгода до выхода «Отцов и детей».

Долгожданный роман был напечатан в «Русском вестнике» в марте 1862 г. и сразу стал объектом общественной борьбы. Вокруг типа нигилиста, воплощенного в образе Базарова, началась ожесточенная журнальная борьба. «Хвалители и хулители» романа оказались и среди консерваторов, и среди радикалов. В то время как одни обвиняли Тургенева в оскорблении молодого поколения, другие упрекали в «низкопоклонстве» перед этим поколением. «Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях, – писал Тургенев о первых откликах на свой роман; – я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов» [2. С. 87]. Тургеневу удалось наделить своего героя Базарова столь разнообразным набором качеств, что каждый читатель увидел его таким, каким желал увидеть, и решил, что именно таким его задумывал автор.

Однако интересно, что «линия фронта» в спорах вокруг романа пролегла не только между представителями «старшего поколения» (консерваторами и либералами) и молодыми радикалами, как было бы логично представить. Роман спровоцировал так называемый раскол в нигилистах. То есть одна группа радикальной интеллигенции признала Базарова «карикатурой на все молодое поколение», а другая – «символом всего молодого поклонения». Одни сочли роман очень вредным для общества, другие – полезным.

Но ведь это странно, если учесть, что обе группы радикалов с идейной точки зрения мало друг от друга отличались. Если мы всерьез захотим понять, в чем состояло в начале 1860-х гг. различие идейных платформ М.А. Антоновича из журнала «Современник» и Д.И. Писарева из журнала «Русское слово», которые вступили в спор, это будет сделать не так уж просто. Тот и другой считали себя материалистами, позитивистами, разумными

эгоистами, утилитаристами, сторонниками коллективных форм труда, общинного землевладения и освобождения женщин (т.е. того набора идей, который в XIX в. называли социализмом, коммунизмом, нигилизмом).

Автор «Истории русской общественной мысли» Р.В. Иванов-Разумник, изучавший полемику, писал: «Между собой эти журналы, особенно начиная с 1864 г., находились в жестокой борьбе, ибо первый из них, „Современник“, был представителем революционно-социалистической мысли, а второй, идеологом которого был гремевший тогда Писарев, являлся проводником радикальных и индивидуалистических тенденций» [3. С. 278]. Понимать это можно таким образом, что в 1864–1865 гг. Писарев несколько «ушел вправо» от «Современника» и революционному сценарию переустройства жизни в России противопоставлял мирную «культурническую деятельность», т.е. умение действовать на благо народа, не приходя в резкое столкновение с действительностью (см.: [4. С. 216–237]). И свои надежды на преобразования Писарев возлагал на интеллигенцию, «мыслящих реалистов», тогда как Антонович, формально продолжавший традиции Чернышевского и Добролюбова, мечтал об изменении всех сфер государственной жизни через радикальные демократические преобразования. Возможно, это было действительно так, но специфика полемики в подцензурных изданиях состояла в том, что политическое значение спора всегда уходило на задний план, а центр тяжести перемещался на второстепенные вопросы: фигуру Базарова, трактовку учения Джона Стюарта Милля или подробности женской эмансипации в контексте романа Чернышевского «Что делать?». Одним словом, полемика журналов шла не по тому направлению, которое могло бы проявить политические взгляды авторов, а по побочному, только путая читателей¹.

Несмотря на это, мы действительно можем говорить, что позиции журналов к 1864–1865 гг., в частности Писарева и Антоновича, разошлись. И спор о фигуре Базарова мог скрывать под собой более существенный вопрос о двух тактиках общественной борьбы. Но ведь начался этот спор раньше, в 1862 г., когда позиции Писарева еще нельзя было назвать определенными, а Антонович только дебютировал в «Современнике».

Есть еще одно объяснение «раскола в нигилистах» – конкуренция. Потеряв Добролюбова и Чернышевского, журнал «Современник» был вынужден конкурировать с набирающим популярность «Русским словом» за одну аудиторию. Не имея возможности удержаться на былом теоретическом уровне, авторы «Современника» стали «производить различие». Восторженное приветствие образа Базарова со стороны Писарева провоцирует «Современник» поддержать другую интерпретацию, предложенную Антоновичем. И после этого для редакции «Русского слова» задачей будет постоянное изобличение «Современника». Однако такая точка зрения представляется еще менее вероятной, хотя бы потому, что статья «Базаров» и «Асмодей нашего времени» написаны почти одновременно.

¹ Так, Н.С. Лесков в одной из глав роман «Некуда» (1864) поместил ироничный диалог, в котором безымянные персонажи пытаются выяснить суть разногласий двух «солидарных журналов»: «Так из-за чего ж между ними полемика?.. Ведь они одного направления держатся?..» – спрашивает один. «Как же это вы не понимаете? – отвечает другой. – Одни в принципе только социальные, а проводят идеи коммунистические; а те в принципе коммунисты, но проводят начала чистого социализма» [5. С. 670–671].

Тогда все-таки почему идейно близкие радикальные публицисты, Писарев и Антонович, в своей трактовке образа Базарова заняли противоположные позиции, первый сказал, что Базаров – «идеал», второй – «карикатура»?

Идеологический раскол в журнале «Современник»

У Л.Н. Толстого в повести «Юность» есть фрагмент, где его герой Николай Иртенев признается, что в период обучения в университете делил всех студентов по французскому выговору на равных и презираемых: «Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. „Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?“ с ядовитой усмешкой спрашивал я его мысленно» [6. С. 173].

«Как мы» – это как дворяне, аристократы. Своих он опознавал (кроме французского) еще по длинным чистым ногтям и светским манерам: умению кланяться, танцевать и непринужденно разговаривать. Все остальные студенты были для него чужими, он их не только презирал, но и ненавидел. Понимал, что это плохое чувство, но пока ничего не мог с собой поделать.

Понятно, что речь идет о разночинцах, людях не дворянского происхождения, которых в университетах к середине XIX в. становилось все больше. Чаще всего это были дети священнослужителей, окончившие духовные семинарии¹. Но в семинариях их учили Закону Божию, там не преподавали французского языка, не учили рисованию, музыке, танцам, хорошим манерам. И на фоне дворян семинаристы выглядели угловатыми и грубыми, так что в университетах даже существовал отдельный жанр шуток – шутки над семинаристами.

Однако стране все больше требовались образованные кадры. Нужны были чиновники, врачи, учителя. Дворян не хватало, и постепенно эти сферы все больше наполнялись образованными разночинцами. Дворяне, надо сказать, тогда еще свысока относились к медицине и педагогике, быть «лекарем» или учителем считалось не дворянским делом. И они легко отдавали эти профессии на откуп разночинцам. Но неожиданно, к середине XIX в., яркие разночинцы стали появляться в сферах, которые раньше считались исключительной монополией дворянства, например в литературе и журналистике. И прекрасной иллюстрацией конфликта разночинцев во дворянстве может служить история журнала «Современник».

С середины 1850-х гг. в либеральный журнал «Современник» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева стали привлекаться новые писательские силы из разночинцев. До этого ядро редакции составляли «породистые» дворяне: И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, Д.В. Григорович, П.В. Анненков. Все они были помещиками, либералами. А тут, в 1854 г., в журнал пришел работать первый разночинец – Николай Гаврилович Чернышевский, молодой человек 27 лет, сын священника из Саратова, который плохо говорил по-французски

¹ В университетах процент разночинцев, вышедших из духовного сословия, был значительно выше остальных. Имея семинарское образование, «поповские дети» оказывались более других подготовлены для обучения в университетах. «Духовенство было единственным сословием, которое разделяло с дворянами возможность широкого доступа к образованию, поэтому в России XIX в. сложились лишь две интеллигентские субкультуры», – пишет американская исследовательница Лори Манчестер, противопоставляя культуру дворянской интеллигенции и сыновей служителей церкви, ставших интеллигенцией (см.: [7. С. 12]).

и плохо знал манеры. Но окончил университет и уже успел опубликовать ряд статей в «Отечественных записках» А.А. Краевского.

Дворяне отнеслись к нему поначалу благосклонно. Но Чернышевский довольно скоро начал высказывать свои идеи и навязывать концепции. Оказалось, что он только написал диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой изложил манифест новой материалистической эстетики. Он заявил там, что «истинное» искусство должно иметь общественное значение: должно воспроизводить действительность, объяснять ее и выносить действительности «приговор». И начал писать с этих позиций статьи о литературе. Несмотря на то, что отдел критики до прихода в «Современник» Чернышевского считался не самым сильным, известный литературный критик в журнале имелся: А.В. Дружинин. Дружинин был сторонником противоположной концепции – «чистого искусства», его называли «главой» русской «эстетической» критики. В первое время своего сотрудничества в «Современнике» Чернышевский основное противодействие получил именно от Дружинина и сразу повел решительное наступление на его позиции (см.: [8, 9. С. 231–251]): «Когда я стал писать исключительно для „Современника“, – вспоминал Чернышевский, – я вытеснил из него Дружинина: я писал так много, что для Дружинина, писавшего быстро и много, не оставалось достаточно места; притом его литературные понятия были слишком различны от моих; и при моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов „Современника“ Дружинин оказался непригодным для него по образу мыслей» [10. С. 721].

Тургеневу, Григоровичу, Анненкову не нравилось поведение Чернышевского, его «литературные понятия» и особенно – его «возрастающее влияние» на «Современник». К тому же стало понятно, что их разногласия с Чернышевским не только эстетические, но и мировоззренческие, политические. Понятно, что Чернышевский не любит европейскую цивилизацию: презирает мещанство и капитализм, а ко всему прочему, очень критически относится к помещикам. «Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода – и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа – рабы и пролетарии» [11. С. 110], – писал Чернышевский еще в дневнике 1848 г. и, разумеется, подписался бы под этими словами позже. Там же он говорил о своих политических убеждениях: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев» [11. С. 122].

Тургенев и «либеральная партия», которые поначалу «терпели» «семинариста», начали борьбу с «красным» Чернышевским, желая его увольнения из «Современника»¹. Тогда в письмах Дружинину и Григоровичу Тургенев стал называть Чернышевского исключительно «клоповоняющим господином»². Однако хозяин журнала Некрасов не спешил избавляться от своего ведущего сотрудника, чувствуя его нарастающую популярность среди моло-

¹ Подробней о перипетиях конфликта см.: [13. С. 16–33].

² «Я имел неоднократно несчастье заступаться перед Вами за пахнущего клопами (иначе я его теперь не называю) – примите мое раскаяние – и клятву – отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!» [14. С. 42].

дежи. И стал напротив все больше привлекать к сотрудничеству в журнале разночинцев. Вскоре в «Современнике» появился критик Н.А. Добролюбов, потом – писатель Н.Г. Помяловский, очеркисты Н.В. Успенский, Ф.М. Решетников и др. Дворяне назвали это «вторжение семинаристов в журнал».

«Старые сотрудники, – писала мемуаристка А.Я. Панаева, – находили, что общество Чернышевского и Добролюбова нагоняет тоску. „Мертвечиной от них несет! – говорил Тургенев. – Ничто их не интересует!“ Григорович уверял, что он даже в бане сейчас узнает семинариста, когда тот моется: запах деревянного масла и копоти чувствуется от присутствия семинариста, лампы тускло начинают гореть, весь кислород они втягивают в себя, и дышать делается тяжело» [12. С. 134].

Кстати, из воспоминаний Чернышевского мы знаем, что Тургенев поначалу, когда Добролюбов только пришел в «Современник», сделал попытку с ним подружиться. Но ничего не вышло. Тургенев приглашал Добролюбова к себе обедать, но тот отказывался. Тургенев пытался сделать Добролюбова своим собеседником, при встречах в журнале или в квартире Некрасова пытался заговорить, но Добролюбов почти демонстративно избегал общения с Тургеневым. На расспросы Чернышевского, почему он ведет себя так «неразговорчиво с почтенным человеком», Добролюбов отвечал, что Тургенев «ему скушен», и что не имеет смысла говорить с людьми только потому, что они способны «более или менее сочувствовать хоть чему-нибудь честному» [15. С. 729].

Грубость Добролюбова по отношению к Тургеневу можно объяснить неловкостью, которую молодой семинарист, безусловно, чувствовал перед «аристократом». Но тут было еще кое-что. Дворяне издавна привыкли относиться к представителям низших сословий покровительственно. Это было естественно. Разночинцы сами всегда хотели быть похожими на дворян, дослужиться до дворянства. И Тургенев смотрел на Добролюбова как на младшего брата, которого нужно опекать. А Добролюбов не хотел быть младшим братом дворянства, не хотел, чтобы до него снисходили, не хотел «дослуживаться». Он хотел быть сам по себе. Отстаивать собственными ценностями. Такое поведение было ново.

«Понятно, – резюмировал Чернышевский, – что Тургенев не мог не досадовать на такое обращение с ним» [15. С. 728]. И в конце концов стал отзываться о Добролюбове крайне нелестно. Теперь «либеральная партия» хотела увольнения не только Чернышевского, но и Добролюбова. Однако и семинаристы не оставались в долгу, постоянно задевали в своих статьях, то Григоровича, то Тургенева.

Конфликт «либералов и демократов»¹, длившийся пять лет, закончился, по сути, поражением «либеральной партии» и уходом Тургенева из журнала. В большинстве научных работ до конца 1980-х гг. доминировала точка зрения, что своего апогея конфликт достиг в 1860 г.: статья Добролюбова о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?») не понравилась Тургеневу своим тоном и интерпретацией романа, он пытался добиться, чтобы рецензию не печатали, и поставил Некрасову ультиматум: «Выбирай: я или Добролюбов». И Некрасов выбрал Добролюбова. Так история разрыва Тур-

¹ Так было принято называть это противостояние в советском литературоведении 1970-х гг. См.: [17. С. 13].

генева с «Современником» была впервые представлена в мемуарах Панаевой (см.: [12. С. 144]).

В 1989 г. А.В. Муратов, критиковавший излишне «беллетристические» мемуары Панаевой за неточность в изложении фактов, доказал, что поводом к разрыву были другие статьи, появившиеся несколькими месяцами позже (см.: [16. С. 316–340]). Однако и он признавал, что утвердившийся взгляд на историю разрыва Тургенева с «Современником» в целом соответствует истине: выбирая между семинаристами и Тургеневым, Некрасов выбрал семинаристов. И это решение кажется прагматичным: Некрасов потерял Тургенева (который начал отдаляться от журнала еще в 1858 г.) и Григоровича, но сохранил своих литературных критиков, любимцев радикальной молодежи, и целую группу писателей-разночинцев, которые пришли вслед за Чернышевским.

Уход Тургенева из журнала знаменовал собой не только поражение либералов в политическом противостоянии и конфликте эстетических «программ». Уход Тургенева был победой, которые униженные раньше разночинцы одержали над представителями дворянства. Благодаря художественным произведениям, очеркам и публицистике разночинцев, либеральный журнал «Современник» стал идейным центром и трибуной радикальной интеллигенции.

Конфликт в «Современнике» стал обрастать домыслами, в литературной среде поползли слухи, что Тургенев уезжает за границу, чтобы писать повесть под заглавием «Нигилист», где расквітається семинаристами. И когда через два года появился роман «Отцы и дети», многие в фигуре Базарова увидели карикатурный портрет Добролюбова и карикатуру на все молодое поколение.

Был ли Базаров разночинцем?

В записной книжке, содержащей подготовительные материалы к «Отцам и детям», в разделе «Формулярный список действующих лиц новой повести» (дата на титульном листе «Формулярного списка» – август 1860 г.) Тургенев писал, что Базаров – «сын доктора, который сам был сын попа». И далее, перечисляя качества главного героя, добавлял: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного – работящ. – (Смесь Добролюбова, Павлова, Преображенского)» [18. С. 566]. Из этой троицы только И.В. Павлов, знакомый Тургенева доктор и литератор, был дворянином. В юности он подпал под влияние М.В. Буташевича-Петрашевского, но позднее отошел от революционных увлечений и примкнул к литераторам «славянофильской ориентации». Так что его «нигилизм» проявлялся исключительно в «резких высказываниях по вопросам литературы». Добролюбов же был разночинцем, бывшим «семинаристом». Н.С. Преображенский, студенческий товарищ Добролюбова, судя по всему, тоже был выходцем из семьи священнослужителей¹.

Так почему же Тургенев, который своему герою даже фамилию дал священническую (см.: [19. С. 340–341]), не сделал Базарова разночинцем? В советское время было принято называть Базарова представителем «разночинно-демократической интеллигенции», так он обозначен в энциклопедиях. Но не

¹ См. комментарии к подготовительным материалам к роману «Отцы и дети» [21. С. 719–720].

ошибка ли это? Базаров, безусловно, живет жизнью разночинца, но формально он дворянин во втором поколении.

Тут стоит сделать небольшое отступление и определиться в терминах. Элис Виртшафтер, автор большого историко-социологического исследования феномена разночинцев в России XVIII–XIX вв., писал, что разночинцам невозможно дать единого определения: «Границы этой социальной категории необычайно подвижны, и при конкретном использовании этот термин мог быть отнесен практически к любой группе общества, включая дворянство, горожан и крестьянство» [20. С. 12]. При этом в разное время понятие «разночинец» употреблялось в отношении представителей разных социальных слоев.

Например, большинство исследователей утверждают, что впервые слово «разночинец» появляется в XVIII в. Сначала, будучи этимологически связанным с бюрократическим словосочетанием «люди разных чинов», он относился к сравнительно устойчивой группе лиц, находившихся вне основных сословий. Но, скажем, в указе 1755 г., которым создавался Московский университет «для дворян и разночинцев», под разночинцами понимались просто люди недворянского происхождения. Такое употребление было расширено в XIX в., пишет исследователь Кристофер Беккер, когда в литературных и публицистических текстах разночинцами начинают называть людей недворянского происхождения, получивших образование. К XX в. этот термин стал применяться еще шире: возобладали «бесклассовая» теория, когда в число разночинцев начали включать представителей «демократической» интеллигенции, вне зависимости от ее сословного происхождения (см.: [22. Р. 72–73]).

Получается, что в контексте второй половины XIX в. мы можем говорить о разночинцах «по сословию», к которым причисляли образованных лиц недворянского происхождения (например, Чернышевского и Добролюбова); разночинцах «по профессии», к которым в разное время относили дворян, которые по бедности были вынуждены зарабатывать на жизнь интеллектуальным или профессиональным трудом (скажем, В.Г. Белинского или Ф.М. Достоевского¹); и разночинцах «по образу мыслей», к которым так же относили дворян, которые по сумме своих взглядов были близки к «мыслящим пролетариям» (наиболее показательный пример – Д.И. Писарев, дворянин, которого в советское время называли «радикальный разночинец»).

Таким образом, Базаров – разночинец «по образу мыслей», «внук дьячка», но все-таки дворянин во втором поколении. Казалось бы, сделай его Тургенев сыном дьячка, было бы проще и понятней. Связь Базарова с духовным сословием отвечала распространенным в дворянских кругах представлениям о происхождении отечественного нигилизма (см.: [23. С. 38]). Она была воспринята ими как весьма «характеристичная» черта тургеневского героя. В этой связи Тургенева совершенно обоснованно критиковали за слишком уж отдаленное родство его героя с духовенством: «Может быть, фигура Базарова вышла бы еще типичнее, если б автор прямо произвел его от дьячка» [24. С. 272], – писал в статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» Н.М. Катков.

¹ Литературоведы 1920-х гг. нередко называли Достоевского «разночинцем», например, проводя различие между Достоевским и И.С. Тургеневым, Н.Ф. Бельчиков писал: «Один – разночинец, представитель мелкобуржуазной среды, другой – обеспеченный барин, помещик» [25. С. III].

Итак, почему же Тургенев этого не сделал? Ответ кажется простым. Сделай Тургенев Базарова семинаристом, главный конфликт книги стал бы сословным. Точнее, заметно сместился бы авторский акцент, и взаимоотношение поколений было бы представлено читателям, прежде всего, как противоречие сословное. Несмотря на то, что тема двух поколений, предопределившая сюжет романа «Отцы и дети», была подсказана Тургеневу недавней идеологической борьбой между «либералами и демократами» журнала «Современник», Тургенев, по-видимому, хотел противопоставить в своем романе не столько сословия и не столько политические программы, а мировидения людей сороковых и людей шестидесятых годов.

Катков писал: «типичный нигилист» – сын дьячка, намекая на то, что появление нигилизма, может быть, больше связано с процессами «гниения» в замкнутом сословии священнослужителей, чем с нерешенными проблемами в русском обществе. Двойственный статус Базарова лишал комментаторов возможности давать такие упрощенные объяснения природы нигилизма. А кроме того, Тургенев показывал, что «внук дьячка», «мелкий» дворянин с образованием, но без барского воспитания, собственности и крепостных крестьян, может быть не менее радикально настроенным по отношению к существующим порядкам, чем семинарист, прошедший «палочное» воспитание в бурсе.

Итак, Тургенева интересовал вопрос изменения ценностей в русском обществе, вступавшего в эпоху Великих реформ. В узком смысле, – процесс смены ценностных установок внутри двух «партий» равно оппозиционных по отношению к официальной идеологии (дворянского либерализма и «революционно-демократической» идеологии разночинной интеллигенции)¹. В широком смысле – ценностей «абстрактного» идеализма людей 1840-х гг. и «реализма» людей 1860-х гг. По-видимому, Тургенев почувствовал, что лучше всего разделение своих героев на отцов и детей он может показать с помощью образа нигилиста, нигилизм является катализатором смены ценностей. Тургенев угадал очень точно, потому что, опираясь на роман и отталкиваясь от суждений Тургенева о нигилизме, представители всех направлений общественной мысли в России уяснили свои мировоззренческие позиции и произвели «размежевание» своих социально-политических программ, осознав те «непримиримые противоречия», которые не осознавали раньше.

«Раскол в нигилистах»

Итак, роман «Отцы и дети» вышел в 1862 г., когда в литературной среде еще свежи были воспоминания об истории разрыва Тургенева с «Современником», и многие в фигуре Базарова увидели карикатурный портрет Добролюбова. Конечно, Базаров не был карикатурой на Добролюбова. И Тургенев не хотел свести свой роман к памфлету². Но литераторам «левого» лагеря,

¹ Такую трактовку романа мы можем найти в недавнем исследовании сотрудников Института философии РАН. См.: [26. С. 233].

² Тургенев использовал Добролюбова в качестве одного из протопопов Базарова, но после выхода романа он неоднократно заявлял, что не писал на Добролюбова «памфлет» и не пытался отомстить обидчику: «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии, – писал Тургенев; – но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя?» [2. С. 87–88].

знавшим о конфликте «либералов и демократов», сложно было отделаться от мысли, что «Отцы и дети» – это месть разночинцам-семинаристам. Они не замечали положительных черт Базарова, а по инерции видели только отрицательные.

Например, еще один семинарист Максим Алексеевич Антонович, который после смерти Добролюбова руководил литературно-критическим отделом «Современника», написал разгромную статью о романе Тургенева, которую назвал: «Асмоней нашего времени». Статья вышла в третьем номере журнала за 1862 г. Антонович взял за основу своего критического очерка тезис, что Тургенев в романе «Отцы и дети» вместо реалистического изображения «картины современной жизни» и «современных личностей» выступил как либеральный идеолог, занялся исключительно «выражением собственных личных симпатий и антипатий»: «...в романе, за исключением одной старушки, нет ни одного живого лица и живой души, – писал он, – а все только отвлеченные идеи и разные направления, олицетворенные и названные собственными именами» [27. С. 67]. И вместо литературного произведения у Тургенева получился «плохой и поверхностный морально-философский трактат».

Антонович с первых страниц романа почувствовал, что к главному герою, Базарову, и всем представителям «молодого поколения» Тургенев питает «какую-то личную ненависть и неприязнь, как будто они лично сделали ему какую-нибудь обиду и пакость, и он старается отметить им на каждом шагу, как человек лично оскорбленный; он с внутренним удовольствием отыскивает в них слабости и недостатки» [27. С. 68]. Посмотрите, как он описывает Базарова, говорит Антонович, Базаров у него «мало говорит и много ест» (обжора), злоупотребляет шампанским (почти алкоголик), третирует своих добрых родителей, не способен на любовь к женщине и «отрицает» все напропалую. То есть отрицает не то, что общество требует улучшения и реформирования, а все вообще «бессознательно, неразумно, вследствие ощущения».

Тургенев, по Антоновичу, не только сделал из Базарова карикатуру, вульгаризировал идеи молодого поколения, но еще и оклеветал его, потому что в одном месте романа Базаров высказывает сомнения в необходимости отмены крепостного права. Речь идет о словах, сказанных им в споре с Павлом Петровичем Кирсановым: «Свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» [28. С. 51]. «Это уж не непонимание, а сущая клевета, взведенная на молодое поколение и на современные направления, – пишет Антонович. – Действительно, были люди, не расположенные к свободе, которые говорили, что крестьяне без опеки помещицкой сопьются с круга и предадутся безнравственности. Но кто же эти люди? Скорей они принадлежат к числу „отцов“, к разряду Павла и Николая Петровичей, а уж никак не к „детям“» [27. С. 67].

Статья Антоновича похожа не на критический очерк о художественном произведении, а на выступление в суде, где он обвиняет Тургенева в распространении ложной информации о «молодом поколении» с подробным разбором всех «случаев клеветы». И наблюдения Антоновича за тем, как Тургенев построил образ Базарова, – точны в деталях, Базаров, действительно, пьет

шампанское, отталкивает добрых родителей, не способен любить женщину, испытывает по отношению к Одинцовой вместо любви «страсть, похожую на злобу», и сомневается в необходимости отмены крепостного права. Но детали эти Антоновичем неправильно поняты, и выводы по поводу романа, основанные на них, – совершенно ошибочны. Эта ошибка происходит в силу неправильной установки Антоновича, который прочел «Отцы и дети» не как литературное произведение, а лишь как «трактат», и все слова Базарова (и других представителей «молодого поколения») воспринял буквально. И, кроме того, отказался обращать внимание на контекст, в котором эти слова были произнесены.

Один из главных конфликтов, который Тургенев закладывал в свой роман и пытался раскрыть с помощью образа Базарова, – конфликт между разумом и чувствами. Он заключается в том, что Базаров создал для себя непротиворечивую систему ценностей, основанную на философии материализма, которая в какой-то момент вошла в противоречие с его чувствами. Базаров старым абстрактным принципам и идеалам (среди которых, по его мнению, были и честь, романтическая любовь и прочие «пустяки») противопоставил конкретный опыт, решил верить только в то, что видит, и делать только то, что полезно. И вдруг, к большому неудовольствию Базарова, оказалось, что его чувства начинают противоречить материалистическим установкам. Например, любовь к женщине он считает романтическим предрассудком и, тем не менее, влюбляется в Одинцову. Приходится подавлять чувства. Именно из-за этого внутреннего конфликта Базаров в присутствии Одинцовой испытывает «страсть, похожую на злобу». То есть «злоба», замеченная Антоновичем, происходит не от отсутствия любви, а как раз из-за ее досадного наличия.

Что же касается «идеологических» слов Базарова, то их нельзя рассматривать вне контекста их произнесения. Антоновича задает, что у Тургенева «молодое поколение следует отрицательному направлению слепо и бессознательно не потому, чтоб оно уверено было в несостоятельности того, что оно отрицает, а просто только вследствие ощущения» [27. С. 75]. Действительно, Базаров говорит: «Я придерживаюсь отрицательного направления – в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен – и баста! Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? – тоже в силу ощущения. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут. Не всякий тебе это скажет, да и я в другой раз тебе этого не скажу» [28. С. 121].

Антонович использует эти слова в своем «обвинительном акте», но не учитывает, что сказаны Базаровым они в минуту глубокого разочарования, когда люди говорят нарочно то, во что не верят. Эта сцена происходит уже после того, как Одинцова отвергла его любовь, Базаров «рассыпался», по его собственному выражению, и стал постепенно превращаться в пессимиста и скептика. В этом же скептическом настроении сказаны известные слова про мужика: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» [28. С. 120–121]. Эти слова звучат очень «не демократично», но произнесены они только оттого, что Базаров страстно хотел помогать Филиппу и Сидору, но понял, что бессилён что-то изменить.

Сомнения в необходимости отмены крепостного права, как их квалифицировал Антонович, Базаров высказывает до того, как начал «рассыпаться», но в определенном полемическом запале, во время спора со своим главным оппонентом Павлом Петровичем Кирсановым, который пытался выяснить, в чем состоит его «учение». Базаров «начал злиться» и доказывать, что он не принадлежит к «проповедникам»:

«А потом мы догадались, – говорит Базаров, – что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» [28. С. 50–51].

Если принять во внимание психологическую мотивировку этих слов, становится понятно, что в этой фразе Базаров нисколько не сомневается в необходимости отмены крепостного права, а досадует на «передовых людей» и чиновников-либералов, которые хотят перенесения на русскую почву прогрессивных европейских институтов, вместо того чтобы для начала подготовить для них почву. Одним словом, все выражения Базарова психологически мотивированы, и воспринимать их буквально – означает ошибаться. Однако Антонович настойчиво игнорирует приемы психологической прозы и как будто нарочно ошибается.

Примерно в одно время со статьей Антоновича в журнале «Современник» появилась статья Дмитрия Ивановича Писарева «Базаров», которая отличалась полным сочувствием образу Базарова. Считается, что именно статья «Базаров» положила начало знаменитому «расколу в нигилистах» (см.: [29. С. 52–54]).

Надо сказать, что в жизни молодого критика Писарева роман «Отцы и дети» имел важное значение. Образ Базарова произвел на него громадное впечатление, во многом изменив его жизнь, а статья «Базаров» принесла ему широкую известность. Прочитав «Отцы и дети», Писарев восторженно приветствовал появление нового героя современности, нигилиста Базарова, увидев в нем воплощение «обаятельной силы». В стремлении Базарова к «осознательной пользе» и настоящему «делу» вместе с презрением к старым социальным нормам Писарев увидел черты «нового типа» и признаки смены ценностных ориентиров.

Писарев взял за основу своей критической статьи тезис, противоположный тезису Антоновича, что Тургенев в романе «Отцы и дети», напротив, выступил как настоящий реалист, «не сочувствовал вполне» ни одному из своих действующих лиц, а показал жизнь, как она есть. Он показал как сильные, так и все слабые и смешные черты Базарова, показал его грубым, «крайне необразованным», а отрицание его, порой, глупым. Писарев ожидал, что читателям Базаров может и не понравиться, «но я точно так же уверен в том, – писал он, – что непосредственное чувство читателей, не скованных

обязательными отношениями к теории, оправдает Тургенева и увидит в его произведении не диссертацию на заданную тему, а верную, глубоко прочувствованную и без малейшей утайки нарисованную картину современной жизни» [30. Стб. 397].

Писарев высказал мысль, что Тургенев, барин и либерал Тургенев, конечно, не мог любить Базарова, и создавая его образ, «хотел разбить его в прах», но помимо своей воли, бессознательно, как настоящий художник, написал его апологию: «...признал его перевес над окружающими людьми и сам принес ему полную дань уважения». «Он хотел сказать: наше молодое поколение идет по ложной дороге, и сказал: в нашем молодом поколении вся наша надежда» [30. Стб. 419]. По Писареву, художественное чутье Тургенева, воспевавшего Базарова, одержало победу над его сословными интересами.

Так почему Антонович игнорирует приемы психологической прозы, а Писарев не игнорирует и понимает роман как будто точнее, ближе к авторскому замыслу? Потому что Антонович глупее Писарева? Нет. Ответ лежит в другой плоскости: Антонович – разночинец «по сословию», а Писарев – разночинец только «по образу мыслей».

Н.К. Михайловский в статье «Из литературных и журнальных заметок 1874 года», пытаясь дать социально-политическое определение разночинцев, показал разницу между этими типами, отделяя «чистых разночинцев» от «кающихся дворян», к которым относил Писарева. Среди характерных черт «чистых разночинцев» он выделял скромное социальное происхождение, бедность, непростое детство, а также непосредственное знание народной жизни. «Кающиеся дворяне» могли иметь схожий с разночинцами образ мыслей, но они не обладали «знанием народной жизни», имели другое воспитание и поэтому не могли до конца понять потребности и чаяния разночинцев (см.: [31. С. 97–115]).

Антонович так набросился на роман Тургенева, потому что сам был семинаристом, сыном священника (как Чернышевский и Добролюбов). В отличие от Писарева, он чувствовал себя уязвимым в обществе, где правили дворяне. Он считал, что если разночинцев (и их радикальное крыло – нигилистов) признают общественно опасными элементами, с ними может случиться что угодно, им могут запретить поступать в университет (как это уже делали), могут запретить устраиваться на государственную службу, могут вообще начать ссылать в Сибирь и сажать в тюрьму. Когда потребовалось встать на защиту интересов своего только нарождающегося сословия, Антоновичу уже было не до литературоведения. Ориентируясь на среднего читателя романа, который мог неправильно понять психологически мотивированных высказываний героев, которые у Тургенева порой говорят не совсем то, что думают, Антоновичу нужно было как можно быстрее сказать, что разночинцы (и нигилисты) – не такие, как Базаров. Они нормальные. Может быть они и материалисты, но это не значит, что они не могут любить родителей. Они не монстры и не дураки, они отрицают совершенно конкретные вещи. А роман «Отцы и дети» – очень вредный, потому что не борется, а только усиливает сословные стереотипы.

Какой можно сделать вывод из «спора» Писарева и Антоновича? И в чем социально-политическая значимость этого «спора»? Центральная тема романа «Отцы и дети» – конфликт поколений. Молодые запальчиво бунтуют и

утверждают новое, старшие не сдаются и защищают старое. Можно предположить, что эта конфронтация стара, как мир, и одинаково воспроизводится каждым новым поколением. Да и поколения, в сущности, одинаковые. Действительно, в традиционном обществе разница в условиях жизни поколений была минимальна, молодые бунтовали, но к старости становились такими же, как их отцы. Однако роман «Отцы и дети» появился как раз в тот момент, когда традиционная структура общества в России начала заметно меняться. И «дети» стали отличаться от «отцов» не только возрастом, но и набором ценностей.

Традиционный конфликт отцов и детей к началу 1860-х гг. усилился социальной проблематикой, благодаря появлению нового социального слоя – разночинцев, близостью Великих реформ, необходимостью решать крестьянский вопрос, который должен был изменить вековой уклад российской жизни. И поэтому трактовка образа Базарова, представителя «молодого поколения», носителя новых ценностей, вдруг стала такой важной.

Таким образом, роман Тургенева «Отцы и дети» сыграл важную роль в общественной жизни России 1860-х гг. Появление образа Базарова не только оказалось событием, обнажившим все идейные противоречия своего времени, но и послужило идейной основой, на которой начался «спор в нигилистах», оказавший существенное влияние на специфику социально-политической мысли радикальной интеллигенции эпохи Великих реформ и формирование разночинного сословного сознания.

Список источников

1. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Собрание сочинений : в 9 т. Статьи и рецензии 1860. М. : Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1963. Т. 6. С. 96–141.
2. Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 11. Сочинения. М. : Наука, 1983. С. 86–98.
3. Иванов-Разумник П.В. М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть первая: 1826–1886. М. : Федерация, 1930. 383 с.
4. Кирпотин В.Я. Радикальный разночинец Д.И. Писарев. Л. : Прибой, 1929. 252 с.
5. Лесков Н.С. Некуда // Собрание сочинений : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1957. Т. 2. 757 с.
6. Толстой Л.Н. Юность // Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 2. Отрочество. Юность. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1935. С. 79–241.
7. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 448 с.
8. Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбом. М., 1936. 624 с.
9. Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М. : ЦГИ Принт, 2015. 384 с.
10. Чернышевский Н.Г. Воспоминания о Некрасове // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 714–722.
11. Чернышевский Н.Г. Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 38–214.
12. Панаева (Головачева) А.Я. Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худ. лит., 1983. Т. 1. С. 104–152.
13. Векслер И.И. И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е изд. Л. : М. : Изд-во АН СССР, 1935. 96 с.
14. Тургенев И.С. 417. А.В. Дружинину и Д.В. Григоровичу. 10(22) июля 1855. Спасское // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 3. Письма. М. : Наука, 1987. С. 41–43.
15. Чернышевский Н.Г. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 723–741.

16. Муратов А.Б. Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова : сб. ст. М. : Сов. писатель, 1989. С. 316–340.
17. Батюто А.И. Тургенев-романист. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 392 с.
18. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети» // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 12. Сочинения. М. : Наука, 1986. С. 563–577.
19. Генералова Н.П., Хитрово Л.К. К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // Тургенев И.С. Новые исследования и материалы. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. С. 329–346.
20. Виртшафтер Элис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М. : Логос, 2002. 272 с.
21. Батюто А.И., Битюгова И.А., Гозенпуд А.А., Никитина Н.С. и др. Примечания // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 12. Сочинения. М. : Наука, 1986. С. 577–730.
22. Becker Ch. “Raznochintsy: The Development of the Word and of the Concept” // The American Slavic and East European Review. Feb., 1959. Vol. 18, № 1. P. 63–74.
23. Белоусов А.Ф. «Внук дядька» // Рижский филологический сборник. Вып. 1-й: Русская литература в историко-культурном контексте. Рига : ЛУ, 1994. С. 30–41.
24. Катков Н.М. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 259–280.
25. Бельчиков Н.Ф. Достоевский и Тургенев // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды]. Л. : Academia, 1928. С. III–VIII.
26. Безменщиков А.Е., Щербатова И.Ф. Политика, общество и культура в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». М. : Голос, 2018. С. 232–251.
27. Антонович М.А. Асмодей нашего времени // Современник. 1862. № 3. Современное обозрение. С. 65–122.
28. Тургенев И.С. Отцы и дети // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 7. Сочинения. М. : Наука, 1981. С. 5–191.
29. Щербаков В.И. Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М. : ИМЛИ РАН, 2016. 416 с.
30. Писарев Д.И. Базаров // Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 2. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, 1894. Стб. 373–422.
31. Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Литературная критика и воспоминания. М. : Искусство, 1995. С. 84–115.

References

1. Dobrolyubov, N.A. (1963) *Sobranie sochineniy*: V 9 t. [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 96–141.
2. Turgenev, I.S. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 11. Moscow: Nauka. pp. 86–98.
3. Ivanov-Razumnik, R.V. (1930) *M.E. Saltykov-Shchedrin. Zhizn' i tvorchestvo* [M.E. Saltykov-Shchedrin. Life and Works]. Vol. 1. Moscow: Federatsiya.
4. Kiprotin, V.Ya. (1929) *Radikal'nyy raznochinets D.I. Pisarev* [Radical commoner D.I. Pisarev]. Leningrad: Priboy.
5. Leskov, N.S. (1957) *Sobranie sochineniy v 11 tomakh* [Collected Works in 11 vols]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.
6. Tolstoy, L.N. (1935) *Polnoe sobranie sochineniy*: V 90 t. [Complete Works in 90 vols]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 79–241.
7. Manchester, L. (2015) *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Priests' sons in the world: the clergy, the intelligentsia and the formation of modern self-awareness in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Evgeniev-Maksimov, V.E. (1936) “*Sovremennik*” pri Chernyshevskom i Dobrolyubove [“Sovremennik” under Chernyshevsky and Dobrolyubov]. Moscow: [s.n.].
9. Demchenko, A.A. (2015) *N.G. Chernyshevskiy. Nauchnaya biografiya (1828–1858)* [N.G. Chernyshevsky. A scientific biography (1828–1858)]. Moscow: TsGI Print.
10. Chernyshevskiy, N.G. (1939a) *Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t.* [Complete Works in 15 vols]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat. pp. 714–722.

11. Chernyshevskiy, N.G. (1939b) *Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t.* [Complete Works in 15 vols]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat. pp. 38–214.
12. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1983) Iz “Vospominaniy” [From “Memories”]. In: Elizavetina, G.G. (ed.) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 104–152.
13. Veksler, I.I. (1935) *I.S. Turgenev i politicheskaya bor'ba shestidesyatykh godov* [I.S. Turgenev and the political struggle of the sixties]. 2nd ed. Leningrad; Moscow: USSR AS.
14. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 41–43.
15. Chernyshevskiy, N.G. (1983) Vospominaniya ob otnosheniyakh Turgeneva k Dobrolyubovu i o razryve druzhby mezhdu Turgenevym i Nekrasovym [Memories of Turgenev's relationship to Dobrolyubov and the break in friendship between Turgenev and Nekrasov]. In: Elizavetina, G.G. (ed.) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 321–340.
16. Muratov, A.B. (1989) N.A. Dobrolyubov i razryv I.S. Turgeneva s zhurnalom “Sovremennik” [N.A. Dobrolyubov and I.S. Turgenev's break with the magazine “Sovremennik”]. In: Kuznetsov, F.F. & Lesnevskiy, S.S. (ed.) *V mire Dobrolyubova* [In Dobrolyubov's World]. Moscow: Sovetskii pisatel'. pp. 316–340.
17. Batyuto, A.I. (1972) *Turgenev-romanist* [Turgenev as a novelist]. Leningrad: Nauka.
18. Turgenev, I.S. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 563–577.
19. Generalova, N.P. & Khitrovo, L.K. (2012) K rodoslovnoy glavnoy geroya romana “Ottsy i deti” (Kto dal familiyu Evgeniyu Bazarovu?) [To the genealogy of the main character of the novel “Fathers and Sons” (Who gave the last name to Evgeny Bazarov?)]. In: Generalova, N.P. & Lukina, V.A. (eds) *Turgenev I.S. Novye issledovaniya i materialy* [Turgenev I.S. New research and materials]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. pp. 329–346.
20. Kimerling Wirtshafter, E. (2002) *Sotsial'nye struktury: raznochintsy v Rossiyskoy imperii* [Structures of Society: Imperial Russia's “People of Various Ranks”]. Translated from English. Moscow: Logos.
21. Batyuto, A.I. & Bitugova, I.A. et al. (1986) Prilozheniya [Applications]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 577–730.
22. Becker, Ch. (1959) Raznochintsy: The Development of the Word and of the Concept. *The American Slavic and East European Review*. 18(1). pp. 63–74.
23. Belousov, A.F. (1994) Vnuk d'yachka [Grandson of the deacon]. In: Daugovich, S. (ed.) *Rizhskiy filologicheskiy sbornik* [The Riga Philological Collection]. Vol. 1. Riga: LU. pp. 30–41.
24. Katkov, N.M. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 259–280.
25. Belchikov, N.F. (1928) Dostoevskiy i Turgenev [Dostoevskiy and Turgenev]. In: Dostoevsky, F.M. & Turgenev, I.S. *F.M. Dostoevskiy i I.S. Turgenev. Perepiska [Istoriya odnoy vrazhdy]* [F.M. Dostoevsky and I.S. Turgenev. Correspondence. [The Story of One Feud]]. Leningrad: ACADEMIA. pp. 3–8.
26. Bezmenshchikov, A.E. & Shcherbatova I.F. (2018) Politika, obshchestvo i kul'tura v romane I.S. Turgeneva “Ottsy i deti” [Politics, society and culture in I.S. Turgenev's “Fathers and Sons”]. In: Nikolsky, S.A. (ed.) *Chasy Ivana Turgeneva* [Ivan Turgenev's Clock]. Moscow: Golos. pp. 232–251.
27. Antonovich, M.A. (1862) Asmodey nashego vremeni [Asmodeus of our time]. *Sovremennik*. 3. pp. 65–122.
28. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 5–191.
29. Shcherbakov, V.I. (2016) *D.I. Pisarev i literatura epokhi nihilizma* [D.I. Pisarev and literature of the era of nihilism]. Moscow: IWL RAS.
30. Pisarev, D.I. (1894) *Polnoe sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Complete Works in six vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Yu.N. Erlikh, Sadovaya, № 9. pp. 373–422.
31. Mikhaylovskiy, N.K. (1995) *Literaturnaya kritika i vospominaniya* [Literary Criticism and Memories]. Moscow: Iskustvo. pp. 84–115.

Сведения об авторе:

Прокудин Б.А. — кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: probor@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prokudin B.A. – Cand. Sci. (Political Science), associate professor, of the Department of the History of Social and Political Doctrines. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: probor@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2021;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 25.03.2021;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 11.07.2022*